

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. В. ЛОПАТИН, И. С. УЛУХАНОВ

НЕСКОЛЬКО СПОРНЫХ ВОПРОСОВ РУССКОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ

1. В последние годы большие сдвиги произошли в изучении русской морфонологии, в том числе и словообразовательной. В работах ряда исследователей — советских и зарубежных — выявлен и сам инвентарь морфонологических явлений, и (в общих чертах) их закономерности. Некоторые расхождения между исследователями объясняются различием применяемых методов; другие расхождения — различием в характере и объеме исследуемого материала.

Среди недавно опубликованных работ, посвященных русской морфонологии, обращает на себя внимание статья А. В. Исаченко «Роль усечения в русском словообразовании»¹. Автор ставит перед собой задачу «попытаться сформулировать предварительную общую теорию усечения в русском языке» (стр. 96). По мнению Д. Уорта, в этой статье А. В. Исаченко «убедительно доказывается» «морфологическая природа усечения»².

Нам хотелось бы высказать несколько соображений по поводу природы морфонологического явления усечения основ в словообразовании в связи с указанными работами А. В. Исаченко и Д. Уорта, а также с той точкой зрения, которая представлена в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970). В этой связи будут затронуты и другие морфонологические явления русского словообразования, а также некоторые общие вопросы описания морфонологии и словообразования в разного типа грамматиках.

Основной тезис А. В. Исаченко сводится к тому, что «усекаемыми»³ единицами во всех случаях являются не „фонемы“ (и не „финалы“), а самостоятельные морфологические единицы, обычно называемые морфемами» (стр. 101), что «весь механизм разбираемого здесь приема морфонологического усечения состоит в том, что в определенных словообразовательных моделях автоматически отсекаются морфологически значимые единицы (м о р ф е м ы)» (стр. 108), что «у с л о в и е м для усечения является... обязательное наличие морфологического „шва“ перед отсекаемым и после отсекающего отрезка» (стр. 97). Автор ограничивается этими утверждениями, не приводя никаких доказательств того, что отсекаются именно морфемы. Единственным «доказательством» морфемности «усекаемых» отрезков оказывается то, что они... «усекаются». А. В. Исаченко неоднократно подчеркивает, что сам факт усечения является «„диагностическим приемом“ при определении морфологического состава основ» (стр. 97), что «сам процесс усечения может быть в свою очередь использован в ка-

¹ «International journal of Slavic linguistics and poetics», XV, 1972, стр. 95—125 (далее постраничные ссылки приводятся в тексте).

² Д. С. У о р т, Морфонология славянского словообразования, «American contributions to the VII International congress of slavists», I, The Hague, 1973, стр. 384.

³ Правильнее говорить в подобных случаях не «усекаемыми», а «отсекаемыми»: у с е к а е т с я то, что становится короче в результате отсечения его части, а то, что отбрасывается совсем, — о т с е к а е т с я.

честве „диагностической пробы“ для определения того места, где проходит морфологический шов, а следовательно, и для определения фонемного состава усекаемого суффикса» (стр. 108).

Эта точка зрения противопоставлена в статье А. В. Исаченко той точке зрения, которая содержится в «Грамматике» 1970 г. Напомним соответствующие формулировки «Грамматики»: «Усечение заключается в том, что в структуре мотивированного слова отсутствует конечная фонема (фонемы) основы мотивирующего слова... Для обозначения существенных в морфонологическом отношении конечных фонем основы в грамматике используется термин *финаль*. В частном случае финаль может быть морфом, — например, отсекаемые финали *-н-* и *-к-* основы прилагательного в случаях *бездарный* — *бездарь* и *низкий* — *низость* являются суффиксальными морфами, а в случаях *темный* — *темь* и *кроткий* — *кротость* это не морфы» (стр. 44)⁴.

Зерно возникшей полемики заключено в понимании сущности морфемы. Известно, что в науке нет единого мнения о том, что такое морфема (или морф). Все же более распространена та точка зрения, что морфемой (морфом) является минимальный *з н а ч и м ы й* отрезок слова (словоформы) — значимый в смысле содержательной наполненности, наделенности семантической функцией (эта точка зрения принята и в «Грамматике» 1970 г.). Не случайно в работах последних лет получила распространение идея о вычленяемых в слове отрезках, лишенных семантической функции и потому не являющихся морфемами, но наделенных структурной функцией («прокладках» между морфами)⁵.

А. В. Исаченко не формулирует в статье своего понимания морфемы, а ограничивается весьма существенным, хотя и брошенным вскользь, замечанием о том, что «в современной лингвистике этот термин („морфема“) нуждается в серьезном пересмотре. Дело в том, что в языке имеют место операции (присоединения и усечения элементов), в которых участвуют морфологические единицы, не обладающие самостоятельным „значением“» (стр. 101, примеч. 8). Возможно, поэтому, весьма решительно заявляя в большинстве случаев, что «усекаются» только *м о р ф е м ы* (суффиксы) (см. стр. 101, 108, 109), автор пользуется иногда более осторожными формулировками: «Усечению подлежат лишь *м о р ф о л о г и ч е с к и е* единицы (разрядка наша. — В. Л., И. У.), а не просто цепочки фонем» (стр. 98), «относительно самостоятельные морфологические элементы» (стр. 97; речь идет об элементе *-ов* в фамилии *Суворов*, *-ск* в *Томск* и т. п.).

Обратимся теперь к «Грамматике» 1970 г. Действительно ли неморфологично то понимание отсекаемых отрезков основ, которое в ней предложено? В «Грамматике» подчеркивается существенность финалей в *м о р ф о л о г и ч е с к о м* отношении (см. определение финали, приведенное выше)⁶. Но морфонология — «служанка» морфологии (точнее — морфемике); морфонология — это, коротко говоря, учение о формальных закономерностях сочетаемости морфем (морфов), и все существенное, значимое для морфонологии существенно тем самым и для морфологии. Финали — не просто конечные отрезки слов (представляющие собой фонему

⁴ «Почему именно „финали“ в этих прилагательных, не морфы“, авторы нам не сообщают», — комментирует эту часть формулировки А. В. Исаченко (стр. 101). Но это с очевидностью вытекает из принятого в «Грамматике» 1970 г. понимания морфемы (см., например: «Грамматика», стр. 38).

⁵ Ср. «интерфиксы» Е. А. Земской (Е. А. З е м с к а я, Интерфиксация в современном русском словообразовании, сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964), «структемы» А. Н. Тихонова (А. Н. Т и х о н о в, Морфема как значимая часть слова в русском языке, ФН, 1971, 6).

⁶ Примечательно, что само это определение финалей в статье А. В. Исаченко не приводится.

или сочетание фонем), а морфологически релевантные отрезки. Но это не означает, что они во всех случаях являются морфами.

Для морфологии вообще релевантны, помимо морфов, различные отрезки, лишенные семантической функции, но по форме (по составу фонем) напоминающие собой морфы. В некоторых исследованиях последнего времени введен особый термин — «субморфы». Под субморфами понимаются морфологически релевантные отрезки основ, либо безразличные к смыслу⁷, либо «не имеющие самостоятельного смысла»⁸. По В. Г. Чургановой, например, отрезок *-ец/-ц-* в конце основ мотивирующих существительных является субморфом независимо от того, выделяется ли он как суффиксальный морф (например, в слове *зубец*) или нет (например, в слове *чепец*). Морфологическая релевантность этого субморфа обнаруживается в том, что он определяет выбор суффиксального уменьшительного морфа *-ик* (ср. *зубчик*, *чепчик* и т. п. с чередованием *ц* — *ч*). Понятие субморфа оказывается необходимым при рассмотрении многих формальных закономерностей словообразования: именно субморфы определяют подчас не только наличие (отсутствие) чередования или выбор акцентной кривой мотивированного слова, но и выбор самого словообразовательного аффиксального морфа. Отсекаемые финалы основ, не являющиеся морфами (лишенные семантической функции), представляют собой, с нашей точки зрения, разновидность субморфов. По форме они чаще всего совпадают с существующими в языке суффиксальными морфами (ср., например, такие финалы, как *-н-*, *-ск-*, *-ов-*, *-к-*, *-ец* *-иј-*, *-ова-*, *-ирова-* и т. д.), хотя и не всегда (ср., например, финалы *-ос*, *-ус*, *-ис*, *-ум*: *космос* — *космический*, *радиус* — *радиальный*, *синтаксис* — *синтаксический*, *пленум* — *пленарный* и т. п.); но отсекаются такие отрезки безразлично к смыслу, т. е. независимо от того, являются ли они морфами или только «морфоподобными» отрезками — субморфами, представляющими собой часть морфа.

К подобному же решению склоняется в последней своей работе и Д. Уорт, который пишет: «Как нам кажется, усекаются не только настоящие морфемы, но также и многие морфемобразные сегменты (т. е. сегменты, имеющие фонологическую форму, но не семантическое содержание морфем)»⁹. Эта точка зрения, по сути дела, уже не отличается от высказанной в «Грамматике» 1970 г., хотя Д. Уорт и поддерживает концепцию А. В. Исаченко.

Только в таком смысле и следует говорить о «морфологической природе» усечения. Но А. В. Исаченко развивает совершенно иную концепцию: отсекаются только морфемы¹⁰. Такая точка зрения не отвечает представлению о морфеме как о минимальной единице языка, наделенной семантической функцией (смыслом), и смешивает разные принципы членения слова (см. ниже, стр. 64).

⁷ См.: В. Г. Чурганова, О предмете и понятиях фonomорфологии, ИАН ОЛЯ, 1967, 4, стр. 366—367.

⁸ И. А. Мельчук, К понятию словообразования, ИАН ОЛЯ, 1967, 4, стр. 354. Эта точка зрения предпочтительнее.

⁹ Д. С. Уорт, указ. соч., стр. 387. Правда, в характеристике конкретных отсекаемых отрезков Д. Уорт не всегда последователен. Так, на стр. 382 он пишет: «Перед суффиксом *-ане* усекаются последние морфы производящих основ (см. *Иркутск* → *иркутяне* ...)» (разрядка наша. — В. Л., И. У.), а на стр. 386 уже не решается отнести *-ск-* в немотивированных названиях населенных пунктов к числу морфов: «В таких словах, как *Томск* или *Смоленск*, А. В. Исаченко видит адъективный суффикс { , $\ddot{\text{H}}$ sk }; нам кажется, однако, что этот вопрос остается пока открытым».

¹⁰ Ср. трактовку так называемых интерфиксов как особого рода «пустых», связочных морфем — «конективов» (см.: K. Netterberg, O funkcji konektywnej przyrostków, «Scando-slavica», VII, 1961), «конкатенаторов» (см.: M. Shapirò, Concatenators and Russian derivational morphology, «General linguistics», 7, 1, 1967).

Не случайно в статье А. В. Исаченко мы находим целый ряд примеров членения слов, лишённого опоры на смысл. Так, автор выделяет в суффиксе прилагательных *-оват-* два морфологических «элемента» — *ov + at* (стр. 97). Он не соглашается и с вычленением единого суффикса *-льн-* в прилагательных типа *читальный, рисовальный*. Выделение этого суффикса основано на семантическом анализе — на наличии единого словообразовательного значения, объединяющего все мотивированные глаголами прилагательные на *-льный* и отличного от общего значения отглагольных прилагательных на *-ный* — значения более широкого (см. «Грамматика» 1970 г., стр. 200—201). Однако А. В. Исаченко, исходя только из факта отсечения финали *-н-* (которая поэтому должна быть признана, согласно его концепции, самостоятельным суффиксом) в образованиях типа *читальный* — *читалка*, настаивает на том, что и *-л'* в подобных прилагательных является морфологически самостоятельной единицей, «распространителем основы» (см. стр. 109)¹¹. Здесь, как и во многих других случаях, словообразовательные критерии, по сути дела, подчинены у А. В. Исаченко морфонологическим.

Второй признак усечения как морфонологического явления — это, по мнению А. В. Исаченко, его автоматизм, абсолютная регулярность, «предсказуемость» (см. стр. 96, 101, 103, 115). Автор даже противопоставляет «усечение» морфем, в частном случае — «устранение удвоенных суффиксов» (под которым понимается в данной статье явление, чаще называемое наложением морфов) как регулярное, автоматическое явление фонетическим усечениям (в частном случае — «устранению звуковых повторов», например, в сложных словах типа *лермонтовед*), имеющим «случайный», «спорадический» характер (см. стр. 100). Здесь вызывает возражение сама мысль о противопоставлении морфологических явлений фонетическим по линии «регулярность — нерегулярность» (ведь известны как морфологические, так и фонетические закономерности, действующие с большей или меньшей степенью регулярности). В то же время далеко не все «не вполне регулярные» усечения поддаются интерпретации со «звуковой» точки зрения. Так, уже применительно к элементу *-ов-* в основах относительных прилагательных, отмечая его устойчивость, неотсекаемость в «универбациях», автор вынужден констатировать целый ряд случаев с отсечением этого элемента, нарушающих регулярность его поведения (*касторка, валерьянка, противогаз* и т. п., список этот можно значительно расширить), оставив эти случаи без объяснения (см. стр. 96, примеч. 2).

А. В. Исаченко вообще явно преувеличивает регулярность явления усечения. Имеются, правда, суффиксальные словообразовательные морфы, перед которыми усечение осуществляется абсолютно регулярно. К ним относится, например, ряд суффиксальных морфов отглагольных образований, перед которыми регулярно отсутствует так называемый «основообразующий гласный инфинитива» мотивирующего глагола (такие морфы, как *-ец-, -ник-, -щик-, -н-, -ист(ый)-, -ива-, -ну-* и др.), или морф *-к(а)*, регулярно «отсекающий» финали основ мотивирующих прилагательных $\neq n$ и $\neq sk$ ¹². Но в значительной части словообразовательных типов усечение осуществляется не столь регулярно. А. В. Исаченко, например, категорически заявляет: «Адъективные суффиксы $\{, \neq n\}$ и $\{en, \neq n\}$ регулярно усекаются при переводе прилагательного в существительное перед всеми субстантивными суффиксами, кроме *-ость*» (стр. 115). На самом деле это не так. Если даже автор имеет в виду только существительные «транспозицион-

¹¹ Кстати, здесь же (стр. 108) ошибочно приписывается авторам «Грамматики» 1970 г. выделение суффикса *-льн-* в слове *дневальный*. В этом слове не выделяется морф *-льн-*, поскольку в современном языке оно не мотивируется глаголом *днеть*.

¹² Знаком $\neq$ обозначается беглая гласная.

ных» типов, несущие значение абстрактного признака в соответствии с мотивирующим прилагательным, то и здесь мы встречаем такие случаи, как, с одной стороны, *скудный* — *скудость* (с усечением), с другой — *бессонный* — *бессонница*, *вкусный* — *вкуснота*, *грязный* — *грязнота*, *скупной* — *скупинка* (без усечения).

Во всей же системе отадъективного словообразования существительных отсечение финалей (в том числе и суффиксов мотивированных слов) *-н-* и *-енн-* далеко не обязательно: ср., например, *умный* — *умница*, *лепной* — *лепница*, *степной* — *степняк*, *ручной* — *ручнист*, *внештатный* — *внештатник*, *грязный* — *грязнуля* и *грязнуха* и т. п.

Не соответствует действительности и утверждение автора, что при образовании «глаголов на *-ить(ся)* и *-еть* от основ прилагательных» с суффиксом *-н-* «усечение суффикса вполне регулярно» (стр. 103—104). Этому противоречат многочисленные факты типа *влажный* — *влажнеть*, *увлажнить*, *умный* — *умнеть*, *мрачный* — *мрачнеть* и т. п. О том, что отсутствие усечения в подобных образованиях столь же возможно, сколь и его наличие, свидетельствуют окказионализмы, например: *ночной* — *ночнеть* («Она вышла из дождя, сырости, тумана... со своими длинными глазами, забегающими за виски, светло- и ярко-голубыми, а порой *ночнующими* под тенью густых ресниц». Ю. Нагибин, *Хождение за четыре моря*)¹³.

Допустим, что для некоторых из таких прилагательных можно объяснять отсутствие усечения, как это делает А. В. Исаченко в связи с глаголами *грязнеть*, *загрязнить*, «нерасчлененностью основы прилагательного» (стр. 110). Семантическая связь прилагательного *грязный* с производящим существительным *грязь*, как полагает А. В. Исаченко, ослаблена (что само по себе крайне сомнительно), ибо «слово *грязный* семантически связано со своим антонимом (*чистый*. — В. Л., И. У.) сильнее, чем с существительным *грязь*» (что не менее сомнительно: у А. В. Исаченко получается, что для членения слов на морфемы важнее семантические связи по противоположности, чем соотношения со словами, близкими как по форме, так и по значению). Встанем, тем не менее, на высказанную А. В. Исаченко точку зрения: в словах *грязнеть*, *грязнота*, *грязнуля* *-н-* не отсекается, так как это не морфема. Но почему же тогда мы должны считать морфемой отсекаемое *-н-* в прилагательных *прочный*, *скудный*, *несуразный* и т. п. (ср. мотивированные ими слова *упрочить*, *скудеть*, *скудость*, *несуразица*), которое явно не является морфемой, если подходить к этим прилагательным с семантическим критерием, подобно тому как А. В. Исаченко подходит к слову *грязный*? А с другой стороны, почему мы должны отказывать в морфемном статусе таким отрезкам в явно мотивированных прилагательных, как, например, *-н-* во *влажный*, *вкусный*, *умный* или *-к-* в *ходкий* (ср. *увлажнить*, *вкуснота*, *умница*, *ходкость* без усечения)? Уж не стоит ли предположить вслед за А. В. Исаченко, что, например, слово *влажный* сильнее связано с прилагательным *сухой*, чем со словом *влага*, а слово *умный* сильнее связано со словом *глупый*, чем со словом *ум*, и т. д. и т. п., и на основании этого признать *влажный*, *умный* и т. п. нечленимыми словами? Но как поступать в тех случаях, когда антонима нет?

Очевидно, столь частое сохранение морфа *-н-* перед самыми разными аффиксами (там, где позволяют морфонологические свойства сочетающихся морфов) объясняется тем, что этот морф маркирует мотивирующую основу именно как основу прилагательного, отличая ее от основы существи-

¹³ Характерно, что А. В. Исаченко охотно обращается к окказионализмам (ср. *оспортивиться*, *скомочиться*) для иллюстрации усечения как «закона русской речи», действующего автоматически (см. стр. 95—96, 124). Как видим, окказионализмы отнюдь не всегда свидетельствуют об автоматичности усечения.

тельного, которым мотивируется это прилагательное. Так, образование от прилагательного *грязный* с помощью суффикса *-уха* при отсечении суффикса *-н- (*гязуха)* может быть воспринято как экспрессивный синоним слова *грязь* (ср. *комната* — *комнатуха* и т. п.), а не как «нечто грязное». Неотсекаемость *-н-* иногда можно объяснить и явлением омонимического отталкивания. Так, образование от усеченной основы прилагательного *умный* совпало бы с глаголами *уметь*, а образования от усеченной основы прилагательного *водный* — с глаголами *обводить*, *наводить*, *приводиться* (ср. реально существующие глаголы *умнеть*, *обводнить*, *наводнить*, *приводниться*). Заметим, что в глаголах *обводнить* и *наводнить* выступает неусеченная основа прилагательного даже несмотря на то, что семантически эти глаголы мотивируются только словом *вода*, а не *водный*.

Те места статьи А. В. Исаченко, где он обращается к семантическому анализу слов с усекаемыми и неусекаемыми основами (ср. еще, например, замечание на стр. 109 о нарушенной семантической связи слов *бедный* и *беда* и об опрошении основы слова *бедный*, в чем автор видит причину отсутствия отсечения *-н-* в словах *бедняга*, *беднота*, *обеднить* и т. п.), вообще явно непоследовательны с точки зрения развиваемой в статье теории, они представляют собой отступление от исходных принципов автора. В самом деле, если все отсекаемые финалы — это морфемы, «если, с одной стороны, наличие усечения в определенном словообразовательном типе является „диагностической пробой“ для объективного выделения суффиксов в каждой отдельной основе, входящей в данный деривационный тип», а «с другой стороны, о т с у т с т в и е усечения в том же деривационном типе должно быть признано объективным показателем морфологической нечленности производящей основы» (стр. 109), то нужны ли какие бы то ни было семантические подкрепления для установления морфемного статуса вычленяемых при усечении отрезков основ? Ведь рассмотрение соотношений между *грязь* и *грязный* — это тот самый анализ, который в той же статье пренебрежительно именуется «так называемым „словообразовательным анализом“, основанным на весьма поверхностных и тривиальных семантических критериях» (стр. 97)¹⁴. Но обратиться к этому анализу А. В. Исаченко вынужден в силу того, что критерий отсекаемости — неотсекаемости в случае *грязный* — *грязнеть* явно «не работает»: выделяемость морфа *-н-* в слове *грязный* слишком очевидна. А ведь такие случаи — массовое явление русского словообразования, оставшееся в статье без объяснений.

Применение «диагностической пробы», предложенной А. В. Исаченко, неизбежно приводит и к противоречиям в оценке одних и тех же отрезков слов. Действительно, в словах *бедняга*, *обеднить* и т. п. отрезок *-н-* сохраняется¹⁵, а, например, в глаголе *бедствовать*, мотивированном тем же прилагательным *бедный*, он отсутствует. Аналогично: *поздний* — *позднота*, но ср. *опоздать*. Подобных фактов немало. Приведем еще несколько примеров мотивирующих прилагательных с финалью основы $\neq \kappa$ ¹⁶. Среди

¹⁴ К сожалению, это далеко не единственное «полемическое излишество» в статье А. В. Исаченко; ср. хотя бы: «Авторы Грамматики 1970 не обременяют свой анализ излишними теоретическими соображениями» (стр. 102); «„Суффикс *-льн-*“, постулируемый советскими авторами, является просто недоразумением» (стр. 109); «Н. А. Янко-Триницкая предлагала для этого типа усечения ложно-описательный и посему совершенно негодный термин *наложение*» (стр. 97; кстати, на самом деле этот термин предложен Е. А. Земской) и т. д.

¹⁵ Чередования, естественно, в расчет не берутся.

¹⁶ Каковы бы ни были генетические особенности прилагательных типа *шир-ок-ий* и типа *низ-к-ий*, на которые намекает А. В. Исаченко, отмечая, что «некоторые подробности в поведении» этих прилагательных «пока не поддаются обобщению» (стр. 124), полагаем, что их свойства должны интерпретироваться в синхроническом словообразовательном описании в терминах усечения.

них есть такие, которые теряют $\#к$ в одних суффиксальных образованиях и сохраняют его в других: ср., например, *редкий* — *редкость* и *редеть*, *разредить*; *тяжкий* — *тягость* и *отягчить*; *прыткий* — *прытость* и *прыть*. В каждом из приведенных суффиксальных типов $\#$ отадъективных образований (существительные с суффиксом *-ость*, с нулевым суффиксом, глаголы с суффиксами *-и-*, *-е-*) есть образования и с отсечением финали $\#к$ основы прилагательного, и без него. Не говорим уже о вариантах типа *узость* — *узкость*, а также *скудость* — *скудность*, *скудеть* — *скуднеть*, *темень* — *темень* и т. п. Если исходить из уже процитированного положения А. В. Исаченко, то окажется, что один и тот же конечный отрезок основы одного и того же прилагательного ($\#н$, $\#к$) является одновременно и морфемой, и не-морфемой, а соответствующие прилагательные одновременно и выделяют суффикс, и не выделяют его. Вывод, безусловно, абсурдный.

В статье А. В. Исаченко сделано еще несколько обобщений, касающихся явления усечения. Так, автор пишет, что «в продуктивных моделях усечению подлежат классовые показатели, а само усечение имеет место при переводе основы из одного класса слов в другой» (стр. 123). Последнее фактически неверно. Можно привести целый ряд продуктивных словообразовательных типов с усечением основ, где мотивирующее и мотивированное слова принадлежат к одной и той же части речи. Вот только несколько примеров: *немец* — *немка*, *жрец* — *жрица*, *Петрович* — *Петровна*, *валежник* — *валежина*, *лекция* — *лестор*, *Грузия* — *грузин*, *пастух* — *подпасок*, *мягкий* — *мягонький*, *доиграть* — *доигрывать*, *сажать* — *саживать*, *сверкать* — *сверкнуть* и т. д. Подобные факты заставляют усомниться в том, что усечение обязательно связано с заменой «классового показателя» (как бы этот показатель ни понимать). С другой же стороны, в ряде случаев при «переводе» слова в другую часть речи «классовый показатель» как раз сохраняется, выполняя свою функцию не только в основе мотивирующего слова, но и в основе мотивированного.

Другой вывод А. В. Исаченко (связанный с предыдущим) — о том, что «суффиксы, наделенные конкретной семантикой, как правило, усечению не подлежат» (стр. 123), иллюстрируемый такими примерами, как *лохматый* — *взлохматить*, *фальшивый* — *фальшивить*, *кровавый* — *окровавить*, также чрезвычайно сомнителен. Ему противоречит хотя бы факт высокой «устойчивости» к усечению суффикса относительных прилагательных *-ов-*, не менее абстрактного по семантике, чем суффиксы $\#н$ и $\#ск$, чаще всего отсекаемые. Весь материал усечения в современном русском словообразовании приводит к противоположному выводу — об обусловленности этого явления прежде всего фонологическими (точнее — морфологическими), а не семантическими, свойствами сочетающихся при словообразовании морфем. В подтверждение этой мысли можно привести немало закономерностей, проявляющихся достаточно регулярно (хотя и не с абсолютной регулярностью).

Так, обращает на себя внимание тот факт (формулируемый здесь в самом общем и кратком виде), что отсекаются чаще всего консонантные финали с беглой гласной ($\#н$, $\#к$, $\#ск$) перед консонантными же суффиксами с беглой гласной ($\#к$, $\#ц$ и т. п., ср. *неотложный* — *неотложка*, *безумный* — *безумец*)¹⁷ и морфами, начинающимися скоплением согласных или долгой согласной [-ств(о), -ствова(ть), -щин(а), -щик и т. п., ср. *роскошный* — *роскошество*, *благоприятный* — *благоприятствовать*, *шарманка* — *шарманичик*, *субъективный* — *субъективщина*]; в то же время перед суф-

¹⁷ Напрашивается параллель между этой закономерностью и закономерностью отсечения гласных финалей глагольных основ, отмеченной Р. О. Якобсоном.

фиксами с вокалическим началом [-ик, -иц(а), -ист, -ость, -от(а) и т. п.] те же финали либо сохраняются, либо (как, например, перед глагольными суффиксами -и-, -е-) отсекаются нерегулярно.

А такое явление, как сохранение (хотя бы частичное) финали -ск- основы мотивирующего слова перед суффиксальным морфем -ск- в прилагательных (*баски* — *баскский*, ср. также *этруски* — *этрusский* и т. п., но *Смоленск* — *смоленский*, *Курск* — *курский* с наложением морфем, интерпретируемым А. В. Исаченко как «устранение удвоенного суффикса», разновидность усечения, см. стр. 98—99), следует объяснять не тем, что эта финаль в слове *баски* и т. п. является частью корня (объяснение А. В. Исаченко), а тем, что в *баски*, *этруски* и т. п. финали -ск- предшествует гласная фонема, в то время как в *Смоленск*, *Курск* и т. п. — согласная. Точно так же причину устранения финали -н- перед суффиксом -ан(е) в случаях типа *Мирный* — *миряне*, *Изобильное* — *изобильяне* и сохранения ее в случаях типа *Двина* — *двиняне*, *Афины* — *афиняне* следует видеть не в том, что в первых двух примерах -н- — суффикс, а во вторых двух — часть корня¹⁸, а, по-видимому, в том, что в первых финали -н- предшествует согласная фонема, а во вторых — гласная.

Как видим, материал русского словообразования свидетельствует о том, что усечение основ мотивирующих слов может осуществляться с большей или меньшей степенью регулярности, что явление это обусловлено в первую очередь морфонологическими свойствами сочетающихся морфем, что, наконец, отсекаются могут как морффы, так и не-морффы, а «в пределах одного и того же деривационного типа» морффы могут как отсекаются, так и не отсекаются. Очевидно, что параллельно с морфемным членением слов может существовать и членение, основанное только на формальных критериях, в том числе и на отсекаемости — неотсекаемости отрезков (ср. понятие субморфем), причем сравнение результатов морфемного и формального членений, безусловно, полезно. Но необходимость различения (в том числе и терминологического) этих типов членения, равно как и выделенияемых единиц, не вызывает сомнений.

В связи с вопросом о «морфемности» отсекаемых финалей отметим также, что у Р. О. Якобсона в его известной статье о русском глагольном формообразовании¹⁹ речь идет об усечении фонем, а не морфем. Само высказывание Р. О. Якобсона, которое А. В. Исаченко сочувственно цитирует в начале своей статьи (стр. 96), звучит следующим образом: «любая морфема, оканчивающаяся на гласную, утрачивает эту гласную перед суффиксом, начинающимся с гласной». Отсекается, таким образом, не морфема, а гласная, являющаяся конечной частью морфемы (естественно, что в частном случае отсекаемая гласная может быть единственной фонемой соответствующего морфа, и тогда отсекаемый отрезок равен морфу). Морфонологическая обусловленность усечения обнаруживается в трактовке Р. О. Якобсона со всей очевидностью. Нетрудно заметить, что эта точка зрения противоположна концепции А. В. Исаченко.

II. «Само понятие усечения теснейшим образом связано с понятием иерархии, направленности словообразования», — пишет А. В. Исаченко (стр. 123). С этим нельзя не согласиться; но, разумеется, при решении вопроса о направлении словообразовательных связей следует исходить не из самого факта усечения или других морфонологических явлений, а из совокупности многообразных фактов — формальных и семантических.

¹⁸ Объяснение Д. Уорта (указ. соч., стр. 382). Ср., например, *устюжане* при мотивирующем *Устюжна*, в котором морфемный статус отсекаемой финали -н- весьма сомнителен.

¹⁹ R. O. Jakobson, Russian conjugation, «Word», 1948, 4.

Например, из того факта, что существительные с суффиксом *-щик/-чик*, обозначающие производителя действия, можно непосредственно выводить из *nomina actionis* с суффиксом *-к(a)* (с действительно регулярным усечением основы за счет финали $\neq$ *к*), вовсе еще не следует, что это единственное, как полагает А. В. Исаченко (стр. 102—103), решение вопроса²⁰. В «Грамматике» 1970 г. принято другое решение — о двоякой словообразовательной мотивированности подобных существительных с суффиксом *-щик/-чик* — одновременно глаголами и отглагольными *nomina actionis* (например: *наладчик* ← *наладить* и *наладчик* ← *наладка*)²¹. К такому решению склоняет наличие в словообразовательной системе русского языка как образований типа *жеребьевка* — *жеребьевщик* [с единственным непосредственно мотивирующим — существительным на *-к(a)*], так и образований типа *танцевать* — *танцовщик* (с единственным непосредственно мотивирующим — глаголом), хотя большинство существительных с суффиксом *-щик/-чик* и значением производителя действия соотносительно одновременно и с глаголом, и с существительным на *-к(a)*.

Следует заметить, что там, где формальные основания не позволяют рассматривать существительные с суффиксом *-щик/-чик* как непосредственно мотивированные глаголами, они рассматриваются в «Грамматике» 1970 г. как мотивированные только *nomina actionis*: например, *литье* — *литейщик*, *передача* — *передатчик* и т. п.²².

Опираясь весьма ограниченным словообразовательным материалом, А. В. Исаченко не видит многих формально-семантических связей слов, реально существующих в языке. Так, фактитивные и инхоативные глаголы русского языка автор выводит только из прилагательных, отрицая их связь с существительными. В частности, он возражает против рассмотрения глагола *печалить* как мотивированного существительным *печаль*. «Почему же тогда, — спрашивает А. В. Исаченко, — не считать, что то же общее значение, „вызывать чувство“ налицо и в глаголе *успокоить*, и не выводить и этот глагол от существительного **спокбй*? Ясно, что глаголы *опечалить*, *успокоить* образованы от основ прилагательных *печаль-н-ый*, *спокбй-н-ый* с усечением суффикса {, $\neq$ *н*}» (стр. 104). В действительности словообразовательные связи фактитивных и инхоативных глаголов более сложны и разнообразны. Одни из этих глаголов мотивируются только прилагательными (*успокоить*, *облагородить*, *опьянить*, *выпрямить*), другие — только существительными (*зlobить*, *страшить*, *уравновесить*), третьи — как прилагательными, так и существительными (*веселить*, *печалить*). Не случайно из группы глаголов со значением «вызывать чувство; приводить в состояние» — *зlobить*, *печалить*, *страшить* (эти примеры приведены в «Грамматике» 1970 г., стр. 231) и т. п. — А. В. Исаченко выбрал лишь второй. Ни *страшить*, ни *зlobить* семантически не мотивируются прилагательными: *страшить* — это отнюдь не «делать страшным», а «вызывать страх»; *зlobить* — не «делать злобным» (*зlobный*, в отличие от *печальный*, — постоянный, а не переменный признак), а «вызывать злобу». Оставляет без внимания автор и многочисленные префиксально-суффиксальные фактитивные и инхоативные глаголы, мотивированные только существительными. Вслед за А. В. Исаченко глагол *уравновесить*, например, пришлось бы трактовать как «сделать *равно-

²⁰ Кстати, значительно раньше А. В. Исаченко аналогичное мнение высказал Г. С. Зенков (Г. С. З е н к о в, О словообразовательных типах с суффиксами *-щик*, *-ник* и их взаимодействии в современном русском языке, сб. «Развитие современного русского языка», М., 1963).

²¹ См.: «Грамматика» 1970 г., стр. 48.

²² В трактовке этих образований у нас нет расхождений с А. В. Исаченко (см. стр. 103 примеч. 9—10), хотя здесь он и не ссылается на «Грамматику» 1970 г.

весным» (что ничуть не лучше, чем «вызывать *спокой»). Что же касается глагола *печалить*, то он мотивирован как существительным («вызывать печаль»), так и прилагательным («делать печальным»). А. В. Исаченко, к сожалению, не обратил внимания на сказанное в разделе «Словообразование. Основные понятия»: «указание на одну из возможных мотиваций не означает обязательного отсутствия у данного слова других мотиваций» («Грамматика», стр. 39).

А. В. Исаченко считает, что в русском языке не существует префикса *обез-*. Между тем этот префикс, возникший, как и суффиксы *-нича-*, *-ствова-*, *-тельск-* и др., путем переразложения, выделяется в префиксально-суффиксальных глаголах типа *обезжирить* («лишить жира»), *обессолить*, *обеззаразить*: прилагательные **безжирный*, **бессольный*, **беззаразный* не являются воспроизводимыми лексическими единицами русского языка.

III. Нельзя не остановиться вкратце и на другом морфонологическом явлении — наложении морфем, которое А. В. Исаченко решительно отрицает, видя в нем «псевдопроблему русской деривации»²³, подчеркивая, что «сам образ, перекрывания» двух идентичных отрезков во времени абсурден» (стр. 97). А. В. Исаченко трактует наложение как разновидность усечения — «устранение удвоенных суффиксов».

Нам уже приходилось писать о возможной множественности морфонологических интерпретаций²⁴. В самом деле, некоторые факты, интерпретируемые в работах последнего времени как наложение (ср. *такси* — *таксист*, *пальто* — *пальтовый* и т. п.), могут интерпретироваться на равных правах и как усечение основы мотивирующего слова; в данном случае можно говорить даже об общем законе отсечения гласной финали основы несклоняемых существительных в мотивированных ими суффиксальных образованиях (хотя и этот закон имеет исключения: ср. *интервью* — *интервьюировать*, *табу* — *табуировать*, *Тарту* — *тартуский*, *дзюдо* — *дзюдоист* и др.). Но это отнюдь не означает, что «сам образ наложения абсурден». Понятие это не более абсурдно, чем понятие усечения основ, тоже содержащее определенный «временной образ».

О наложении морфем есть основания говорить во всех тех случаях, когда определенный отрезок мотивированного слова (например, *-ск-* в прилагательном *курский*) может быть отнесен одновременно и к мотивирующей основе (*курск-*) и к форманту (*-ск-*). Разлагая это явление на «временные» стадии (что само по себе, по нашему мнению, нецелесообразно), можно видеть в нем не только выпадение первого из двух одинаковых отрезков (т. е. отсечение конечного отрезка основы мотивирующего слова), но и равным образом выпадение второго из этих отрезков, принадлежащего форманту. С этой точки зрения, поскольку присоединяемый к мотивирующей основе отрезок, являющийся суффиксом или его частью, совпадает по форме с конечным отрезком мотивирующей основы, или, иначе говоря, уже имеется в ней, второй раз он не добавляется, а попросту опускается, элиминируется. Вторую трактовку Д. Уорт считает маловероятной (хотя и допускает ее)²⁵. Между тем нет ничего проще, чем вычленив, например, в прилагательных типа *лиловатый* суффиксальный морф *-ат-* (по соотносительности с мотивирующим *лиловый*) вместо правильного

²³ См. другую статью того же автора: «Morpheme classes, deep structure and the Russian indeclinables», «International journal of Slavic linguistics and poetics», XIII, 1969.

²⁴ См.: А. М. Артемов, В. В. Лопатин, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, О некоторых актуальных проблемах русского словообразования, сб. «Актуальные проблемы русского словообразования», I, Самарканд, 1972, стр. 291.

²⁵ См.: Д. С. Уорт, указ. соч., стр. 388.

-оват-, а в глаголах типа *чествовать* (ср. *честь*) — суффиксальный морф -ова- вместо правильного -ствова-²⁶. При таком членении суффикс неправомерно лишается той части, которая совпадает у него с конечным отрезком мотивирующей основы.

Таковы некоторые соображения о природе явлений усечения и наложения в современном русском словообразовании и об отношениях словообразовательной мотивации между словами, в которых эти морфонологические явления имеют место.

IV. По мнению Д. Уорта, морфонологические явления (в том числе усечение и наложение) могут быть по-разному истолкованы в разных типах грамматик. «В синтетической грамматике, — пишет автор, — усечение может или существовать как морфологическое явление (в грамматике направленного типа) или не существовать; в аналитической грамматике усечение существует как процесс фонологического порядка»²⁷. Поскольку, как мы видели, вопрос о природе усечения сводится к пониманию морфемы, то из приведенного высказывания следует вывод, что и морфема может по-разному пониматься в разных типах грамматик. Если же такие исходные понятия, как морфема, будут по-разному определяться в разных грамматиках, то описания языка в них будут совершенно несопоставимыми. Соответственно и отсекаемые отрезки нецелесообразно по-разному трактовать в разных грамматиках: как морфемы в «синтетической» и как фонемы в «аналитической»²⁸.

Д. Уорт справедливо отмечает в своем докладе, что «можно стараться различить между (*sic*) теми явлениями, которые присущи самому языку (и, следовательно, которые придется описать в любой грамматике), и теми, которые отчасти или даже целиком присущи не языку, а только теоретическим концепциям исследователя»²⁹.

Полагаем, что такие единицы, как морфема, и такие явления, как усечение, относятся к числу явлений, присущих самому языку. Если «трудно себе представить грамматику русского языка без альтернативы *т* → *ч* и т. д.»³⁰, то не менее трудно и без правил усечения. С этим согласен и А. В. Исаченко, который отмечает, что «усечение — не вымысел лингвистов, но сомнительный „конструкт“, а вполне реальное грамматическое правило, успешно применяемое даже четырехлетними детьми» (стр. 96). В языке независимо от воли исследователя существуют значимые и незначимые, отсекаемые и неотсекаемые отрезки. В любой грамматике эти явления должны быть выявлены, расклассифицированы и названы. Желательно, но не обязательно, чтобы эти названия были одинаковы в разных грамматиках. Обязательно, чтобы постулаты, выдвигаемые в грамматиках, были непротиворечивыми и адекватно отражали «явления, которые присущи самому языку». Главный постулат А. В. Исаченко — всякий отсекаемый отрезок есть морфема, а всякий неотсекаемый в том же деривационном типе отрезок не является морфемой — не обладает, как показано выше, этими свойствами, неизбежно приводит к абсурдному выводу и опровергается объективно существующими в языке явлениями и их соотношениями. Следовательно, этот постулат не мо-

²⁶ Суффикс -ова- действительно выделяется в подобных глаголах в «Грамматике русского языка» (I, М., 1952, стр. 545).

²⁷ Д. С. В о р т, указ. соч., стр. 390.

²⁸ Сохраняя в данной статье используемые Д. Уортом термины «аналитическая грамматика» и «синтетическая грамматика», считаем необходимым отметить, что они не полностью отражают как проблематику соответствующих грамматик, так и применяемые методы исследования.

²⁹ Д. С. В о р т, указ. соч., стр. 391.

³⁰ Там же, стр. 390.

жет быть принят ни в «аналитической», ни в «синтетической» грамматике и дело здесь отнюдь не в различии теоретических концепций.

Факты, присущие самому языку, могут, с нашей точки зрения, найти адекватное описание как в «аналитической», так и в «синтетической» грамматике. Однако последняя оперирует не только этими фактами, но и «теми явлениями, которые... присущи не языку, а только теоретическим концепциям исследователя». Речь идет о так называемых «абстрактных единицах», с помощью которых исследователи стремятся объяснить факты языка, не объяснимые, по их мнению, с позиций «аналитической» грамматики. Однако в «синтетической» грамматике пока не только «нет... общепризнанных критериев для установления допустимой степени абстрактности исходных основ»³¹, но и сама необходимость их конструирования остается проблематичной.

В ряде своих работ Д. Уорт пишет о «непреодолимых трудностях», возникающих перед «аналитической» грамматикой при интерпретации соотношений основ типа *проезжать* — *проезд*, но *вижжать* — *визг*: из одного и того же *ж* возникает *зд* в *проезд* и *зг* в *визг*³². «Синтетическая» грамматика, как полагает Д. Уорт, способна преодолеть эту «трудность»: для этого надо лишь предположить, что сочетания *зд* и *зг* возникают из абстрактных исходных основ типа *projezd* + *jaj* или *v'izg* + *ja*, в которых эти сочетания уже имеются. Но как были сконструированы эти абстрактные основы? Откуда взяты сочетания *zd* и *zg*, введенные исследователем в эти основы? Оказывается, из тех реальных «поверхностных» фактов, которые затем выводятся из абстрактных основ. Ясно, что такое выведение заранее «обречено на успех»: никаких указаний на «нерегулярные соотношения» или на «обратное чередование» не потребуется. Абстрактная основа сконструирована из того, что должно быть из нее получено (объяснение Д. Уорта в данном случае напоминает способ, с помощью которого А. В. Исаченко пытается доказать морфемность «усекаемых» отрезков). Естественно, что такое «самопорождение» не снимает необходимости указания на реальные (в том числе нерегулярные) языковые соотношения.

В других работах абстрактная основа иногда конструируется из элементов, не имеющих никакого реального соответствия в языке, а вводятся лишь на базе общих соображений о строении основ того или иного типа. Так, по мнению А. В. Исаченко, слова типа *вчерашний* и *таксист* восходят не к формам *вчера* и *такси* с основой на гласную, а к «глубинным структурам» {*včeráQ*} и {*taksíQ*}, где {*Q*} — искусственно вводимый «неспециализированный» (фонетически неопределенный) консонант. Введение этого «консонанта» дает возможность, по мнению А. В. Исаченко, избежать указания на исключение из правил образования от основ, оканчивающихся на согласную (как известно, именные основы в современном русском языке оканчиваются обычно на согласную фонему, и неопределенное {*Q*} формирует, по А. В. Исаченко, такую основу, является формативом основы — *stem formative*)³³.

³¹ Там же, стр. 381.

³² Кстати, почему в том факте, что одна и та же фонема (или, как в данном случае, сочетание фонем) чередуется в разных образованиях одного типа с различными фонемами (сочетаниями фонем), усматривается нечто неестественное для языка? На наш взгляд, факт этот ничуть не менее естествен, чем, скажем, факты чередования различных фонем с одной и той же фонемой в разных словах однотипной структуры: ср., например, *прятать* — *прячут* (чередование *т* — *ч*) и *кликать* — *кличут* (*к* — *ч*); *искать* — *ищут* (*с* — *щ*) и *клеветать* — *клевежут* (*т* — *щ*); *мазать* — *мажут* (*з* — *ж*) и *глодать* — *гложут* (*д* — *ж*). Одна и та же гласная *и* чередуется в однотипных образованиях от глагола *бить* с сочетанием *oj* (*набойка*, *маслобой*), а от глагола *лечь* — с сочетанием *ej* (*лейка*, *водолей*) и т. п.

³³ A. V. Isačenko, Morpheme classes, deep structure and the Russian indeclinables, стр. 64, 69.

Остается неясным, однако, почему последовательности описания, достигаемой с помощью введения «сомнительного конструкта», приносятся в жертву тот реальный факт языка, что исходными именными основами могут быть не только основы на согласную, но и на гласную. В «аналитических» работах этот факт констатируется, причем указываются и особенности поведения и распределения суффиксальных морфов, сочетающихся с этой основой: использование морфа *-ин-* (как в «Грамматике» 1970 г.) или интерфикса *-ш-* и морфа *-н-* (по Е. А. Земской) в случае *вчера — вчерашний*; наложение (Е. А. Земская и «Грамматика» 1970 г.) или усечение (Н. А. Янко-Триницкая) в случае *такси — таксист*.

Элементы *зг*, *зд*, введенные в абстрактную основу, по крайней мере имеются в формах, выводимых исследователем из этой основы, а {Q} полностью относится к исследовательским приемам: он и появляется и затем исчезает только по воле А. В. Исаченко.

Конечно, многие непротиворечивые постулаты, адекватно отражающие явления языка, по-разному формулируются в «аналитических» и «синтетических» грамматиках. Структура упомянутого выше топонима *Изобильное* в «синтетической» грамматике описывается путем указания на все этапы его порождения, представленные в его глубинной структуре: $\langle \{ [(iz \neq +b, il + ova) + i] + , \neq n \} + F \rangle$, т. е. *изобилловать* → *изобилие* → *изобильный* → *Изобильное*³⁴. В «аналитической» грамматике констатируется непосредственная мотивация словом *изобильный* и опосредствованные мотивации остальными словами. Правда, Д. Уорт почему-то считает, что наличие морфа *-н-* в слове *Изобильное* (равно как и его отсутствие в слове *Деина*) может вскрыть лишь «синтетическая» грамматика³⁵. Но очевидно, что различать производные и непроизводные основы способна и «аналитическая» грамматика, и если бы причины наличия (отсутствия) усечения заключались в морфном (неморфном) характере элемента *-н-*, а не в фонемном строении основы, то они нашли бы отражение и в грамматиках типа «Грамматика» 1970 г.

Обратим внимание и на явное сходство глубинной структуры слова, предлагаемой Д. Уортом, со скобочной записью словообразовательной структуры слова, предложенной Г. О. Винокуром. Уже этот факт свидетельствует о том, что сведения о «деривационной истории» слова может давать как «синтетическая», так и «аналитическая» грамматика.

Разумеется, словообразовательную морфонологию (как и словообразовательную семантику) можно описывать не только методами «аналитической» грамматики. Словообразование может быть представлено и как механизм порождения более сложных конструкций из более простых³⁶, и как система словообразовательных типов и гнезд, образуемых словами, связанными отношениями непосредственной и опосредствованной мотивации. Однако при всех различиях в подходе к словообразовательной системе различные грамматики должны, с нашей точки зрения, стремиться к сопоставимому (если не тождественному) пониманию основных строевых элементов языка и, разумеется, адекватно и непротиворечиво отражать его факты и их организацию.

³⁴ См.: Д. С. В о р т, указ. соч., стр. 382. Отметим кстати, что членение *iz \neq + b, il + ova* неточно с синхронной точки зрения: корень в этом слове *-обил-* (ср. *обильный, обилие*).

³⁵ См. там же.

³⁶ Ср., например, описание русского словообразования, выполненное под руководством С. К. Шаумяна и П. А. Соболевой («Порождающая грамматика русского языка. Генератор слов», в печати).